

Глава I
Истоки ингерманландской проблемы:
Ингерманландия до 1917 г.

**1. Прибалтийско-финское население Ингерманландии в
Средние века и Новое время.**

Прибалтийско-финское население издавна проживало на Северо-Западе России. Финские племена упоминались в русских летописях под именем «чудь» еще в IX веке. Древнейшими жителями южного побережья Финского залива были воть и ижора. Племя воть («vaddjalazed», фин. «vatjalaiset») появилось на территории будущей Ингерманландии до конца первого тысячелетия, переселившись, по всей видимости, из Восточной Эстонии (местность к северу от Тарту и позднее была известна под названием Vagja). По своему языку и культуре вожане близки к народам южной ветви прибалтийско-финской подгруппы — эстонцам и ливам. В русских летописях первые упоминания о «чуди», под которой, скорее всего, подразумевается воть, относятся к 1064 г., когда это племя выступило союзником Полоцка в войне против Новгорода. В западных источниках воть впервые упоминается в середине XIII в.: в булле папы Александра IV от 1255 г.¹ В эпоху средневековья воть была достаточно крупным народом, который экономически и политически был издавна связан с Новгородом. Одна из пятин — административных единиц — Новгородских владений носила название Водской (в западных хрониках название этой территории переводится как «Watland»).

Ижоры или ингры («isurit», «inkeroiset», «inkerikot») поселились на южном побережье Финского залива несколько позже вожан, заняв территорию к востоку от них. Своим происхождением ижоры связаны с карелами и финнами-суоми (сами ижоры довольно долго называли себя карелами и свой язык — карельским). Древнейшие ижорские захоронения на берегу Копорского и Лужского заливов датируются XI—XII веками. В русских летописях ижора впервые упоминается под 1228 г., когда она совместно с новгородцами отражала нападение финского племени хяме (емь). В дальнейшем ижоры неоднократно фигурировали в летописях в связи с военными предприятиями Новгорода. В частности, ижорские отряды участвовали в знаменитой Нев-

¹ Haltsonen S. Entistä Inkeriä. Helsinki, 1965. S. 15.

ской битве 1240 г., сражаясь против шведов вместе с дружиной князя Александра Ярославича. В 1292 г. ижоры совместно с карелами отбили новую вылазку шведов в новгородские владения.²

Наиболее ранние контакты прибалтийско-финских племен со славянами относятся к концу первого тысячелетия, когда славянское население стало селиться в междуречье Невы и Наровы. На протяжении последующих веков водь и ижора все больше подвергались русскому влиянию, чему в немалой степени способствовала их христианизация по православному обряду. У води и, в меньшей степени, у ижоры, впрочем, еще в XVI в. сохранялись сильные языческие пережитки, языческие жрецы — арбуи пользовались здесь едва ли меньшим авторитетом, чем православные священники. Новгородский архиепископ Макарий в 1530-е гг. прибег к энергичным мерам по искоренению язычества, дав распоряжение вырубать священные рощи и сбрасывать священные камни. Меры эти вряд ли имели решительный успех, так как в 1548 г. новый архиепископ Феодосий был вынужден повторить все распоряжения своего предшественника.³ Однако даже еще в начале XVIII в. ганноверский посланник в России Ф.Х. Вебер в своей книге «Преображенная Россия» писал о живших в Ингрии крестьянах, которые не были ни финнами, ни русскими и которые поклонялись священным деревьям и приносили в жертву петухов.⁴

Сокращение удельного веса коренных жителей российского Северо — Запада было обусловлено не только притоком русского населения, но и военными действиями и другими бедствиями, которые неоднократно охватывали зону расселения ижоры и води. Так, в 1215 г. область расселения води была поражена сильным голодом, который унес жизни многих людей, опустели целые деревни.⁵ А в 1440-е гг. магистр Ливонского ордена Винке фон Оберберг, совершивший поход в Новгородские владения, вывел оттуда большую группу вожан и поселил их на территории орденских владений, в Земгале (Южная Латвия), в районе города Бауска. Эта этническая группа, известная в дальнейшем под названием «кревины» (латыш. «krievini», от «krievs» — «русский») сохраняла свою языковую и культурную обособленность вплоть до первой половины XIX в.⁶

² Лаанест А.Х. Ижора // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 218.

³ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. Ч. 1. СПб., 1909. С. 178–183.

⁴ Haltsonen S. Entistä Inkeriä. S. 74.

⁵ Ibid. S. 17.

⁶ Ränk G. Vätjalaiset. Helsinki, 1960. S. 16.

Водский дом, дер. Куровицы, нач. XX в.

Начиная с XIII в. территории Карельского перешейка, Приладожской Карелии и Приневья были объектами борьбы между Новгородом, позднее — Московской Русью, с одной стороны, и Швецией, с другой. Помимо знаменитого провального похода ярла Биргера на Неву в 1240 г., известны также неудачная попытка шведов захватить Ладогу, основание ими в 1300 г. у впадения р. Охты в Неву крепости Ландскрона, которая на следующий год была захвачена и разрушена новгородцами. Со своей стороны, новгородцы осаждали шведскую крепость Выборг на Карельском перешейке, основанную в конце XIII в., завладеть которой им, однако, не удалось. Первый новгородско-шведский мирный договор, подписанный в крепости Орешек в 1323 г., «вечным миром», вопреки намерениям договаривающихся сторон, не стал.

В 1570-е гг. территория бывшей Водской пятины стала ареной военных действий в ходе русско-шведской войны. Перемирие 1583 г. передавало южное и восточное побережье Финского залива в состав шведских владений. Возобновив войну в 1590 г., Россия добилась успеха и по Тязвинскому миру 1595 г. на время вернула себе утраченные земли. Однако в начале XVII в., в период Смутного времени, шведы сумели снова утвердиться на берегах Невы. Столбовский мир 1617 г. закрепил за шведами их завоевания. Именно тогда за южным побережьем Финского залива официально утвердилось наименование «Ингерманландия» («*Ingermanland*»), или, в латинизированной форме, «Ингрия». По-фински это название звучит как «Инкери» или «Инкеринмаа»

(Inkeri, Inkerinmaa), по-эстонски — «Ингери» (Ingeri). Название «Ингардия» применительно к Ижорской земле встречалось в западных источниках и раньше (впервые оно фигурирует в хронике Генриха Латвийского в 1221 г.).⁷ В шведской «Хронике Эрика», в которой описываются события в период 1229–1319 гг., для данной территории используется двойное название — «Ингер и Ватланд».⁸ Со временем топоним «Ингер», «Ингерланд» или «Ингардия» распространился на всю территорию Водской пятины, вытеснив прежнее наименование «Ватланд». Существует версия, что это название связано с именем супруги князя Ярослава Мудрого, шведской принцессы Ингигерды, которая получила Старую Ладугу и прилегающую область в качестве свадебного дара. Эта версия не совсем лишена смысла, особенно если учесть, что финский вариант германо-скандинавского женского имени «Ингигерда» или «Ингрид» звучит именно как «Инкери». Согласно другой версии, название страны имеет более раннее происхождение и связано с гидронимом «Инкере» — финское название реки Ижоры — и этнонимом «инкеройсет» или «инкерикот», как звучит на финском и родственных ему языках название народа ижора. Корень «инкер» встречается также в ряде топонимов на территории Финляндии (например, Инкеройнен, Инкере). Этимологическое значение этой лексемы в настоящее время утеряно. А. И. Кирьянен высказывает предположение, что название реки Инкере может быть связано со словом «joenkere» — «изгиб реки», которое могло появиться из-за извилистого характера течения реки.⁹ Согласно другим версиям, этот топоним имеет еще более раннее происхождение и может быть связан с языком саамов, предки которых когда-то проходили через эти земли. По мнению некоторых авторов, возникновение шведско-немецкого названия «Ингерманланд» связано с некоторым недоразумением, так как слово «земля» в этом названии повторяется дважды — к финскому «таа» было добавлено

⁷ Mullo J. Milloin ja miksi Ižoranmaa alettiin nimittää Inkeriksi? // Punalippu. 1987. № 8. S. 122.

⁸ В том месте, где речь идет о набеге шведского отряда на Ижорскую и Водскую земли в 1300 г. говорится: «И прошли они (шведы — В.М.) с огнем и мечом по Ижоре и Водской земле» (в тексте оригинала — «gönom Inger ok Watland») — цит. по: Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 22.

⁹ Inkeri. 2000. № 3 (maaliskuu).

германское «land».¹⁰ Можно, однако, предположить, что элемент «ман» в этом названии происходит не от «маа», а от германского «man» — «человек». Схожие названия встречаются на территории Швеции — Сёдерманланд (Södermanland), Вестманланд (Västmanland), Онгерманланд (Ångermanland) и др. В этом случае логичнее выглядит и появление в середине слова буквы «н».

Под Ингерманландией во времена шведского владычества понималась территория между берегом Финского залива и линией тогдашней шведско-русской границы, ограниченная на западе рекой Наровой, на востоке — рекой Невой и юго-западным побережьем Ладожского озера. Южная часть Карельского перешейка относилась тогда к Финляндии, и Нева, таким образом, считалась географической границей между Ингерманландией и Финляндией (в иностранных описаниях раннего Петербурга можно встретить упоминания о том, что левобережная часть города находится на ингерманландской стороне, а правобережная — на финской).¹¹ С 1629 г. территория Ингерманландии была включена в Лифляндское генерал-губернаторство вместе с Лифляндией, Эстляндией и Карельским перешейком, а в 1642 г. Ингерманландия вместе с Кексгольмским леном была выделена в отдельное генерал-губернаторство, во главе которого был поставлен Э. Гюлленшерна, а в дальнейшем пост генерал-губернатора занимали последовательно К. Мёрнер, К. Хорн и Й. Сперлинг.¹² В административном отношении территория Ингерманландии была разделена на четыре лена — Ореховский (Нётеборгский), Копорский, Ямской и Ивангородский.

Столетнее шведское владычество вызвало существенные изменения в этническом и конфессиональном составе населения Ингерманландии. Шведские власти принимали меры к насаждению в крае лютеранства. В 1623 г. по приказу короля Густава Адольфа Ингерманландия была разделена на лютеранские приходы, началось строительство лютеранских церквей. Первые лютеранские приходы возникли на территории Ингерманландии уже до заключения Столбовского мира: еще в 1590-е гг. был образован лютеранский приход в Копорье,¹³ однако после

¹⁰ См. напр.: Юхнева Н.В. Финны в столице Российской империи // История Петербурга. 2001. № 3. С. 49.

¹¹ См.: Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 51–54.

¹² Haltsonen S. Entistä Inkeriä. S. 26.

¹³ Ibid. S. 29.

Финский дом, с. Колтуши, нач. XX в.

возвращения Ингерманландии под власть Москвы в 1595 г. он был, по всей вероятности, ликвидирован. К 1611 г. относится основание лютеранского прихода в Лемболово.¹⁴ В 1620-е гг. появились приходы Инкере, Токсово и Келтто (Келтос, Колтуши). Рост лютеранских церквей и приходов в период шведского владычества шел быстрыми темпами: если в 1630 г. в крае действовало всего восемь лютеранских церквей, к 1655 г. насчитывалось уже 58 приходов, 36 церквей и 42 пастора (позже число приходов сократилось за счет укрупнения).¹⁵ В 1642 г. ингерманландские приходы были выделены в отдельную епархию, которую возглавил суперинтендант Х. Стахель. В 1643 г. в Стокгольме был издан лютеранский катехизис на финском языке, но написанный кириллицей, для пропаганды лютеранства в восточных владениях.¹⁶

В то же время православные в Ингерманландии подвергались притеснениям. Хотя, по условиям Столбовского мира, населению гарантировалась свобода вероисповедания и православие не было формально запрещено, деятельности православных приходов чинились всевозможные препятствия: в случае смер-

¹⁴ Väänänen K. Herdaminne för Ingermanland. I. Lutherska stiftsstyrelsen, församlingarnas prästerskap och skollärare i Ingermanland under svenska tiden. Helsingfors, 1987. S. 30.

¹⁵ Metiäinen A., Kurko K. Entisen Inkerin luterilaisen kirkon 350-vuotismuistojulkaisu. Helsinki, 1960. S. 105.

¹⁶ Haltsonen S. Entistä Inkeriä. S. 30.

ти православного священника запрещалось приглашать нового из-за пределов Ингерманландии, что оставляло приход без пастыря, в православных церквях не разрешалось читать проповеди «по-фински» (то есть, вероятно, на ижорском и водском языках), коренным жителям разрешалось заниматься торговлей или стать заседателями местного суда только при условии перехода в лютеранство и т.д., среди православных ижор и вожан велась активная лютеранская пропаганда.¹⁷ Количество православных церквей в Ингерманландии сократилось с 48 в 1630 г. до 20 в 1655 г.¹⁸ К 1656 г. здесь оставалось лишь семь православных священников.¹⁹ Все это имело следствием отток части православного населения Ингерманландии, как русского, так и прибалтийско-финского, на юг, на территорию Московского государства. Из Ивангородского лена, к примеру, в 1630—1636 гг. выселились 364 православные семьи.²⁰ Одновременно начался приток финнов-лютеран из подвластной шведам Финляндии. Переселенцы из Выборгского и южной части Кексгольмского лена начали оседать на берегах Невы и южном побережье Финского залива еще с конца XVI в.²¹ После 1618 г. миграционный поток значительно усилился. Многие финские крестьяне перебирались сюда по собственной инициативе, так как таким способом они избегали набора в армию. С другой стороны, проявляли инициативу новые владельцы земель, которым нужны были рабочие руки для их поместий.

В начальный период шведского владычества в Ингерманландии еще заметно преобладало православное население: в Ореховском лене русские имена были у 63,4 % жителей, в Ямском — 98,3 %, в Ивангородском — 90,7 % (носители русских имен могли быть как русскими, так и ижорами или вожанами). К 1650 г. положение существенно изменилось: из общего числа населения Ингерманландии (в 23 593 человека) 57,3 % состав-

¹⁷ Шлыгина Н.В. Возникновение финских поселений на территории Ингрии // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 76—77.

¹⁸ Казьмина О.Е., Шлыгина Н.В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 107.

¹⁹ Saloheimo V. Inkerinmaan asutus ja väestö. 1618 1700 // Inkeri: Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1991. S. 71.

²⁰ Öhlander C. Bidrag till kännedom om Ingermanlands historia och förvaltning 1, 1617—1645. Uppsala, 1898. S. 17.

²¹ Saloheimo V. Op. cit. S. 69.

ляли православные русские, ижоры и вожане, 41,6 % — финны, 0,3 % — эстонцы и вепсы, 0,3 % — немцы, 0,1 % — латыши и поляки.²² Имеются также данные подушной переписи на 1656 г., в которую были занесены 27 286 человек, из них около 11 190 финнов.²³ Финские переселенцы оседали главным образом в Северной и Центральной Ингрии, к 1650 г. они составили большинство населения в пяти из восьми погостов Ореховского лена. На юге и западе, в остальных трех ленах, сохранялось преобладание коренного населения.²⁴

В 1656–1658 гг. Ингерманландия и Карельский перешеек снова стали ареной боевых действий, когда Россия, воспользовавшись тем, что силы шведов были отвлечены на войну с Польшей, попыталась вернуть себе выход к Балтике и начала новую войну против Швеции. В начале июня 1656 г. русская армия под командованием воеводы П.С. Потемкина неожиданно вторглась в Ингрию и овладела городом Ниен (Нюэн), построенным в начальный период шведского владычества у впадения р. Охты в Неву. Местные православные жители оказывали поддержку русским войскам, громили лютеранские церкви и усадьбы шведских дворян. Вскоре русские осадили и крепость Нётеборг (Нотебург, Орешек), но осада, продлившаяся более пяти месяцев, окончилась безрезультатно. В сентябре того же года шведы снова заняли Ниен, а затем и всю Ингрию.²⁵ Православное население края стало массами уходить за границу на российскую территорию. В 1656–1658 гг. из Ингерманландии выселились, по расчетам финского исследователя В. Салохеимо, 7478 человек.²⁶

В 1658 г. между Россией и Швецией было подписано перемирие, а Кардисский договор 1661 г. утвердил мир на условиях сохранения довоенных границ. Условия договора предусматривали известные послабления по отношению к православным: они получили право принимать священников из России и отправлять туда своих людей для рукоположения в священнический сан.²⁷ Тем не менее, разорение края в ходе войны и его

²² Väänänen K. Op. cit. S. 13.

²³ Kuujo E. Inkerin suomalaisasutuksen synnystä 1600-luvulla // Inkerin teillä. Helsinki, 1990. S. 139.

²⁴ Väänänen K. Op. cit. S. 15; Sihvo P. Savakoita, äyrämöisiä, inkerikoita // Inkeri: Historia, kansa, kulttuuri. S. 180.

²⁵ Väänänen K. Op. cit. S. 16.

²⁶ Saloheimo V. Op. cit. S. 78.

²⁷ Öhlander C. Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland. Ett bidrag till svenska kyrkans historia åren 1617–1704. Uppsala, 1900. S. 120.

последующее возвращение под власть Швеции вызвали новую волну переселений православных жителей в русские владения. Именно к этому периоду относится массовый исход карелов с Карельского перешейка, которые переселились на Волгу, под Тихвин и в другие районы, в результате чего от карелов на перешейке осталось одно название. Ижоры и русские из Ингрии переселялись в основном в близлежащие новгородские земли. В общей сложности, по оценке В. Салохеймо, Ингрию покинуло около 28 тысяч человек.²⁸ На пустеющих территориях все в большем количестве оседали финляндские выходцы, которые постепенно становились преобладающим этническим элементом населения Ингерманландии. Часть местного населения была обращена в лютеранство и в дальнейшем слилась с ингерманландскими финнами (к концу XVII в. насчитывалось около 3-х тысяч ижорских и водских семей, принявших лютеранство,²⁹ то есть, приблизительно 12–15 тысяч человек). Следующая таблица дает представление о росте удельного веса лютеранского населения Ингерманландии до и после русско-шведской войны 1656–1658 гг.³⁰:

Лены	1641 г.	1650 г.	1671 г.	1695 г.
Ореховский	58,5 %	62,5 %	86 %	92,5 %
Копорский	17,8 %	29,4 %	45,7 %	60,2 %
Ямской	15,1 %	16 %	42,9 %	62,4 %
Ивангородский	24,4 %	31,8 %	29,6 %	46,7 %

В некоторых погостах численность лютеранского населения выросла особенно заметно. К примеру, в Лопском погосте Ореховского лена в 1650 г. лютеране составляли 26,5 % населения, а к 1666 г. их удельный вес достиг 97,9 % — то есть, почти весь погост был лютеранизирован. В погосте Вруда Ямского лена лютеран в 1650 г. было 29,2 %, в 1661 г. — 80 %, а к 1666 г., вследствие возвращения на прежние места жительства части православного населения, доля лютеран сократилась до 68,8 %.³¹

²⁸ Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 462.

²⁹ Laakmann H. Ingermanland und die Ingermanländischen Finnen. Berlin, 1942. S. 13.

³⁰ Составлено по: Väänänen K. Op. cit. S. 16; Kuujo E. Inkerin vaiheita keskiajasta 1700-luvun loppuun // Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 66, 70; Kuujo E. Inkerin suomalaisasutuksen synnystä 1600-luvulla. S. 140.

³¹ Kuujo E. Inkerin vaiheita keskiajasta 1700-luvun loppuun. S. 70.

Последний исход православного населения из Ингерманландии имел место в 1695–1697 гг., во время «большого голода», вызванного неурожаями, поразившими страну два года подряд.³² К концу XVII в. население Ингерманландии равнялось 40–45 тысячам человек, и из них 70–75 % составляли лютеране.³³ Преобладание православного населения сохранилось только в Ивангородском лене. Впрочем, и в некоторых других местностях численность православного населения оставалась довольно значительной. К примеру, по данным финского исследователя С. Кепсу, в дельте Невы, на месте будущего Петербурга, в 1695 г. ижоры жили еще в 27 из 46 деревень.³⁴

Финские переселенцы, по данным С. Халтсонена, происходили в основном из двух областей: Яюряпяя (Aurjärvi) на Карельском перешейке и Саво (Savo) в Юго-Восточной Финляндии, чем объясняется происхождение названий двух групп ингерманландских финнов, несколько отличавшихся друг от друга по языковым особенностям, по материальной и духовной культуре, — «эвремейсет» («яюрямэйсет» — «äyämöiset») и «савакот» («savakot»).³⁵ По мнению других финских исследователей, впрочем, отождествление термина «савакот» только с выходцами из Саво ошибочно, так как эвремейсет, поселившиеся в Ингерманландии раньше других, давали имя савакот всем более поздним переселенцам, происходившим не только из Саво. По сведениям В. Салохеймо, к примеру, в период 1623 — 1643 гг. в Ингрию переселилось: из Яюряпяя — 999 человек, из Саво — 644 человека, из Кексгольмского лена — 846 человек, из Ранта — 565 человек.³⁶ Податная книга Ореховского лена на 1643 г. свидетельствует, что из 3861 переселенца из Финляндии 58,5 %

³² Михайлов Н.В. Лахта: Пять веков истории. 1500–2000. СПб., 2001. С. 22.

³³ Engman M. S:t Petersburg och Finland. Migration och influens. 1703–1917. Helsingfors, 1983. S. 65.

³⁴ Кепсу С. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000. С. 97. Ижоры преобладали в ряде деревень, в частности, в Сутела (Волковой деревне), Аухтуа (Автово), составляли около половины хозяев в Хирвисаари (на Васильевском острове), Кальюла (Калинкиной деревне), Купсила (Купчино). Русские жили в деревне Вуоронпуоли Спасского погоста.

³⁵ Haltsonen S. Entistä Inkeriä. S. 22.

³⁶ Лескинен Х. Заселение и демография Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. С. 192–194.

(2260 человек) происходили из Выборгского лена (в состав которого входил приход Яюряпяя), 28,1 % (1084 человека) — из Кексгольмского лена, 9 % (348 человек) — из Саво, 1,5 % — из Хяме и 2,9 % — из других частей Финляндии.³⁷ Эвремейсет занимали чересполосно с ижорой южное побережье Финского залива, территорию к юго-востоку от Гатчины и южную часть Карельского перешейка. Савакот были распространены главным образом южнее эвремейсет — в районе Павловска, Гатчины и далее к р. Луге, а также в южной части Шлиссельбургского уезда в районе Марково.³⁸ По данным ревизии 1834 г., эвремейсет на территории Петербургской губернии насчитывалось 29 344 человека, савакот — 42 979 человек.³⁹ В отдельную группу обычно выделяют финноязычное лютеранское население в низовьях реки Луги в районе Нарвуси (Куземкино) (их происхождение предположительно связано с островами Финского залива).⁴⁰ К концу XIX в. различия между группами ингерманландских финнов почти полностью стерлись.

В ходе Северной войны, в 1702–1703 гг., территория Ингерманландии была отвоевана русскими войсками: 11 (22) октября 1702 г. была взята штурмом крепость Нётеборг у истоков р. Невы, 1 (12) мая 1703 г. капитулировала крепость Ниеншанц (более правильное название — Ньюэнсканс, по-фински — Неванлинна), бывшая резиденция шведских генерал-губернаторов Ингерманландии, в конце мая — начале июня того же года русские войска овладели Ямом и Копорьем. 16 (27) мая 1703 г. в устье Невы был заложен город Санкт-Петербург, ставший позднее столицей России. Попытки шведов захватить строящийся го-

³⁷ Kuujo E. Inkerin suomalaisasutuksen synnystä 1600-luvulla. S. 139.

³⁸ Вискочков Л.В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII–XIX вв.) // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 121.

³⁹ Чистяков А.Ю. Этнические группы ингерманландских финнов в XVIII–XIX вв. // Петербургские чтения-97. Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 160. Эти данные почти совпадают с цифрами, приведенными известным российским географом П. И. Кеппеном на 1848 год: по его сведениям, численность эвремейсет составляла 29 243 человека, савакот — 43 080 человек (Haltsonen S. Inkerin entistä elämää // Inkerin suomalaisten historia. S. 247).

⁴⁰ Лаанест А.Х. Ижорские диалекты. Таллинн, 1966. С.152–153; Лескинен Х. Указ. соч. С. 194.

род и оттеснить русских от Невы (последняя из них была принята летом — осенью 1708 г. — поход на город армии генерала Любекера) успеха не имели.⁴¹ Формально возвращение Ингерманландии в состав России, наряду с другими территориальными приобретениями, было утверждено Ништадтским миром 1721 г. В 1708 г., при введении административного деления российской территории на губернии, одна из губерний получила название Ингерманландской. Это слово звучало также в названиях Ингерманландского драгунского полка и корабля Балтийского флота «Ингерманланд». Через два года губерния была официально переименована в Санкт-Петербургскую. Ее территория на первых порах была довольно обширной, в ее состав входила часть карельских, новгородских, псковских, тверских, ярославских земель. Позднее, по мере роста числа губерний, территория Петербургской губернии сократилась и стала ближе к размерам исторической Ингерманландии.⁴² В частности, после завершения русско-шведской войны 1741—1743 гг., имевшей результатом присоединение к России юго-восточной части Финляндии, вновь присоединенные земли были объединены с северной частью Карельского перешейка в новую губернию — Финляндскую (Выборгскую). Название «Ингерманландия» или «Ингрия» к тому времени исчезло из официальных российских документов, однако оно продолжало и в дальнейшем использоваться в финской, шведской и немецкой литературе, причем географические границы Ингерманландии были несколько расширены: в это понятие, помимо прежней шведской Ингерманландии, теперь включалась также южная часть Карельского перешейка, оставшаяся в составе Петербургской губернии после образования в 1743 г. Выборгской губернии.⁴³

После воссоединения Ингерманландии с Россией начался процесс ее обратной русификации. Петр I всяческими способами, в том числе и принудительными, поощрял переселение русских

⁴¹ См.: История Северной войны. 1700—1721. М., 1987. С. 59—62, 77.

⁴² С середины XIX в. Петербургская губерния делилась на восемь уездов, из которых в пределах исторической Ингерманландии находились Петербургский, Шлиссельбургский, Царскосельский, Петергофский и Ямбургский уезды, за ее пределами — Гдовский, Лужский и Новолодожский.

⁴³ В финской литературе эта территория именуется «Северной Ингрией» («Pohjois-Inkeri»).

Вид на деревню Вуоле с церковью, нач. XX в.

крестьян, ремесленников, торговцев в Ингрию. Указом 1712 г. велено было распisać земли в Ингерманландии на участки под поселение русских крестьян и мастеровых.⁴⁴ Часть беженцев, покинувших Ингрию в XVII в., или их ближайших потомков, вернулась в родные места. Русские дворяне, получая земли в Петербургской губернии, начали переселять сюда своих крепостных. Началось и закрепощение местного населения. Поначалу все ингерманландские земли перешли в собственность российской казны, однако вскоре многие деревни были розданы ближайшим сподвижникам Петра I — А.Д. Меншикову, Ф.М. Апраксину, П.И. Ягужинскому и др. Некоторые крестьяне в Ингерманландии остались на положении государственных, остальные же получили освобождение только в результате реформы 1861 г. Сохранились сведения об участии ингерманландских крестьян в выступлениях против крепостнической эксплуатации. Так, в 1770 г. русские и финские крестьяне села Рождественского Шлиссельбургского уезда прекратили работы на помещика Ф. Дубянского и стали добиваться перевода в государственное ведомство. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление посланным местной администрацией военным командам, волне-

⁴⁴ Памятная книжка С.-Петербургской губернии. СПб., 1905. С. 50.

ния были подавлены только в январе 1771 г. Другое подобное выступление произошло в 1772 г. в Лемболовском приходе: крестьяне протестовали против обременительных повинностей, которые налагал на них помещик И.Н. Моут. Для наведения порядка также потребовалось вмешательство военных команд, однако ненавистный помещик был убит.⁴⁵

По данным переписи податного населения 1732 г., в Ингерманландии проживали 58 979 крестьян, из них 22 986 лютеран, т.е. финнов, 14 511 ижор, 5883 «старожилов русских», 10 457 «переведенцев из российских городов» (в действительности последних было еще больше, так как в переписи отсутствовали сведения о численности переведенцев во владения дворцового ведомства).⁴⁶ Во второй половине XVIII в. в губернии появились первые немецкие поселенцы (привлечь в Ингрию колонистов из Германии намеревались еще шведские власти в XVII в., но тогда эти планы не были реализованы), однако за пределами города С.-Петербурга их количество было незначительным. К концу XVIII в. численность финноязычного и русского населения в Ингерманландии сравнялась, а к середине XIX в. русские уже имели заметное превосходство. В то же время число финского населения продолжало увеличиваться благодаря, во-первых, довольно высокому естественному приросту и, во-вторых, новым миграциям из Финляндии. Приток финляндских переселенцев, значительно ослабев, тем не менее не замер полностью: на протяжении XVIII в. переселение шло в основном из принадлежавшей России Юго-Восточной (так называемой Старой) Финляндии. Присоединение остальной части Финляндии к России в 1809 г. и образование автономного Великого княжества Финляндского дали новый стимул миграциям финнов на территорию Петербургской губернии. В 1848 г. в Петербургской губернии проживали 79 693 финна,⁴⁷ к концу же столе-

⁴⁵ Прохоров М.Ф. Волнения крепостных крестьян карел и финнов на Севере России во второй половине XVIII в. // Европейский Север: История и современность. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 1990. С. 8.

⁴⁶ Троицкий С.М. О некоторых источниках по истории земле- владения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источ- никоведческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 118–119.

⁴⁷ Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Rußland. Stuttgart, 1961. S. 123.

тия, согласно данным первой всероссийской переписи населения 1897 г., их численность достигла 130 413 человек.⁴⁸ В начале XX в. рост финского населения северо-западных российских губерний продолжался и в начале 1913 г. его численность в Петербургской губернии составила, по данным губернских статистических органов (вместе с включенными в это число ижорами) 209 378 человек⁴⁹ (с вычетом ижор — 193–194 тысячи человек, хотя и эта цифра, впрочем, представляется несколько завышенной).

Численность коренного финноязычного населения губернии проявляла тенденцию к сокращению. Русификации православных ижор и вожан способствовало отсутствие у них письменности на родном языке, в результате чего языком образования, как и религии, был русский. Количество ижорского населения, впрочем, оставалось относительно стабильным. По данным П.И. Кеппена, в середине XIX в. на территории Петербургской губернии в 222 селениях проживало 17 800 ижор, кроме того, еще 689 человек в Выборгской губернии.⁵⁰ Перепись 1897 г. определила количество ижоры в Петербургской губернии в 13 721 человек,⁵¹ однако эти данные, по всей вероятности, занижены, так как при переписи учет велся не по национальному происхождению, а по родному языку и вероисповеданию, поэтому часть ижор, перешедших на русский или финский языки, была записана в соответствующие группы населения. Данные о численности ижоры в 1920-е гг. колеблются в пределах 15–16 тысяч человек. Численность водей сокращалась значительно быстрее: Кеппен в 1848 г. насчитал 5148 вожан;⁵² в перепись 1897 г. водей не включена, но по различным оценкам, вожан в начале XX в. насчитывалось около тысячи человек;⁵³ согласно же переписи

⁴⁸ Памятная книжка С.-Петербургской губернии. С. 51.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 27. Л. 23 об. По тем же данным, в Псковской губернии насчитывалось 4232 финна, в Новгородской — 825, в Олонецкой — 3220, в Архангельской — 1894 (Там же).

⁵⁰ Кеппен П.И. Селения, обитаемые ижорами, в С.-Петербургской губернии // Ученые записки императорской академии наук по I и III отд. Т. II. Вып. 3. С. 420, 422.

⁵¹ Памятная книжка С.-Петербургской губернии. С. 51.

⁵² 3673 человека в Ямбургском уезде и 1475 — в Ораниенбаумском (Петергофском) — Кеппен П.И. Водь в С. Петербургской губернии. Отрывок из пояснительного текста к этнографической карте С. Петербургской губернии. СПб., 1851. С.70–72.

⁵³ Золотарев Д.А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Л., 1926. С. 10.

1926 г., води было всего 694 человека.⁵⁴ Столь резкое сокращение числа вожан объясняется не только их русификацией, но и частичной ассимиляцией с ижорой. Это было особенно характерно для деревень, расположенных в районе устья реки Луги — Пески (Ливакуля), Лужицы, Краколье (Йоэнперя) и др., где вожане, проживая по соседству с ижорами и тесно общаясь с ними, нередко переходили на ижорский язык.⁵⁵ Вероятно, что при переписи 1926 г. некоторые жители водского происхождения были записаны ижорами. Во второй половине XIX — начале XX в. влияние на рост численности прибалтийско-финского населения Ингрии оказал значительный приток эстонских выходцев, которые стали переселяться в Россию после отмены крепостного права. В 1763 г. в Петербургской губернии насчитывалось лишь 4513 эстонцев, в 1858 г. — 10 350.⁵⁶ По данным переписи 1897 г., в губернии проживали 64 116 эстонцев,⁵⁷ а к 1913 г. — 93 296.⁵⁸

Общая численность прибалтийско-финского населения Петербургской губернии, таким образом, к началу XX в. равнялась (включая около 800 вепсов и около 300 карелов, проживавших на востоке губернии) примерно 209 тысячам человек, что составляло почти 10 % от всего населения губернии (общая численность населения Петербургской губернии по переписи 1897 г. — 2 112 033 человека).⁵⁹ При этом в трех «неингерманландских» уездах губернии численность прибалтийско-финского населения была крайне незначительной (за исключением Гдовского уезда, где проживало много эстонцев). Так что пределах исторической Ингерманландии удельный вес финноязычных жителей был заметно выше, чем по губернии в целом. Со-

⁵⁴ Янсон П.М. Национальные меньшинства Ленинградской области. Л., 1927. С. 6.

⁵⁵ Хейнсоо Х. Водь и ее этно-культурное состояние // Прибалтийско-финские народы. С. 179–180. Вообще для вожан было характерно трехязычие: многие из них, наряду с родным, владели ижорским и русским языками.

⁵⁶ Raag R. Virolaiset Viron ulkopuolella // Viro: Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1995. S. 343.

⁵⁷ Памятная книжка С.-Петербургской губернии. С. 51.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 27. Л. 23 об.

⁵⁹ Из них русских — 1 741 395 человек (82,4 %) (Памятная книжка С.-Петербургской губернии. С. 55, 51). Другие крупные этнические группы: немцы — 63 457 человек (3 %), поляки — 45 009 человек (2,1 %), евреи — 16 061 человек (0,8 %) (Там же. С. 66).

отношение русского и прибалтийско-финского населения по уездам губернии выглядело следующим образом:⁶⁰

<i>уезды</i>	<i>русские</i>	<i>финны</i>	<i>эстонцы</i>	<i>ижоры</i>
Гдовский	129 978	–	15 282	–
Лужский	122 556	1001	4805	635
Новоладожский	87 023	121	92	–
Петербургский	31 484	17 760	362	–
Петергофский	96 974	18 608	8751	6673
Царкосельский	99 448	38 455	3677	–
Шлиссельбургский	30 546	21 569	960	–
Ямбургский	41 834	11 636	17 953	6407

Финское и эстонское население Ингерманландии было в основном, а ижорское и водское — исключительно, сельским. Ингерманландские финны были в числе первых жителей Петербурга. Вскоре после основания города несколько финских деревень, расположенных на берегах Невы (Анока, Эйкие, Коллекюля, Вихтула, Маннула, Кантуя), оказалось в пределах городской территории. Имело место и переселение в город сельских жителей из разоренных войной местностей. По свидетельству пленного шведского офицера Л.Ю. Эренмальма, финны вместе с русскими жили на Березовом острове вблизи Петропавловской крепости.⁶¹ Другим районом расселения финнов стала слободка к западу от Марсова поля, получившая наименование «Финских шхер».⁶² Наряду с русскими крестьянами и работными людьми и шведскими военнопленными, Петербург строили и местные финны. Финские названия оставили свой след в городской топонимике: некоторые петербургские топонимы представляют собой или перегласовку финских названий (Охта, река Карповка — от финского «когри» — «лесная глушь», Калинкина деревня — от названия деревни Кальюла или Каллина,⁶³ Автово — от Аухтуа (Аутуа), Купчино — от Купсила и др.), или их перевод на русский язык (в частности, названия многих островов: Jänissaari — Заячий, Koivusaari — Березовый (первое название Петербургской стороны), Kivisaari — Каменный, Ristisaari — Крестовский, Patsassaari — Столбовой (позд-

⁶⁰ Источник: Памятная книжка С.-Петербургской губернии. С. 72, 130, 195, 247, 321, 402, 475, 522.

⁶¹ Беспятых Ю.Н. Указ. соч. С. 92.

⁶² Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 13.

⁶³ Исходное название этой деревни — Калганица — имеет все же, видимо, русское происхождение.

нее — Петровский) и др.). Однако массовым переселение ингерманландцев в Петербург не стало. В период с 1826 по 1890 гг. в город из уездов губернии переселилось чуть больше 4 тысяч финнов, среди которых к тому же недавних переселенцев из Финляндии было больше, чем коренных ингерманландцев.⁶⁴ Основную часть финского населения российской столицы в середине — второй половине XIX в. составляли выходцы из собственно Финляндии, переселившиеся в Россию после 1809 г., и их потомки в первом и втором колене. Ингерманландцы становились жителями Петербурга главным образом за счет поглощения пригородных деревень разраставшейся городской территорией. Некоторые финские деревни долгое время сохранялись даже в пределах городской черты Петербурга. Одна из таких деревень, на Крестовском острове, существовала до конца XIX в.⁶⁵ В одной из местностей противоположной части города сохранилось название находившейся здесь финской деревни Коломяги (точнее Коломяки). В конце XIX в. в Петербурге проживали 21 656 финнов,⁶⁶ из них 17 605 подданных Великого княжества, на территории же губернии за пределами Петербурга перепись 1897 г. насчитала лишь 11 196 финляндских подданных.⁶⁷ Эстонское население города составляло 12 238 человек,⁶⁸ несколько тысяч финнов и эстонцев насчитывалось среди жи-

⁶⁴ Engman M. S:t Petersburg och Finland. S. 255.

⁶⁵ Юхнева Н.В. Петербург-Ленинград — многонациональный город // Мы живем на одной земле. Население Петербурга и Ленинградской области. СПб., 1992. С. 24.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 48. Л. 10 об.

⁶⁷ Больше всего их было в Северной Ингрии: 4392 человека в Шлиссельбургском уезде и 4381 в Петербургском (Engman M. S:t Petersburg och Finland. S. 257). В уездах мигранты из Финляндии, как правило, нанимались на временные работы и редко сами оседали на земле. Имеются, впрочем, данные о том, что в Петергофском и некоторых других уездах финляндские выходцы брали землю в аренду у частных владельцев, но численность таких арендаторов была невелика. К примеру, в рапорте пристава первого стана Петергофского уезда, составленном в феврале 1879 г., сообщается о наличии на территории стана 81 семьи переселенцев-арендаторов, из них 32 арендатора были финляндскими уроженцами (большинство — из Выборгской губернии), остальные происходили из Эстонии — ЦГИА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Д. 16. Л. 67–95.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 48. Л. 10 об. К 1917 г. число финнов в городе сократилось до 17 104 человек (Engman M. S:t Petersburg

телей других городов.⁶⁹ По уездам процент финноязычного населения был значительно выше, чем по губернии в целом, и составлял более одной пятой от всего сельского населения.⁷⁰ Это обстоятельство отличало финнов и родственные им народности от представителей других национальных меньшинств губернии, которые жили главным образом в городах.⁷¹

Ингерманландские финны были довольно дисперсно расселены по территории губернии, они проживали во всех уездах, кроме Гдовского. Особенно высока была концентрация финского населения в южной части Карельского перешейка — здесь число финнов по двум уездам — Петербургскому (за пределами города Петербурга) и Шлиссельбургскому доходило почти до 40 тысяч человек. Финское население преобладало в ряде волостей обоих уездов, в частности, в Белоостровской, Осинорошинской, Вяртемякской, Лемболовской, Коркиамякской, Куйвозовской, Колтушской, Токсовской, Матокской.⁷² Много финнов проживало также в Царскосельском уезде, где они преобладали в Гатчинской, Дудергофской и Старосквирицкой волостях, несколько меньше — в Петергофском и Ямбургском, незначительное число — в Лужском (см. приложения). Финны проживали в общей сложности в 1124 селах и деревнях Петербургской (Петроградской) губернии⁷³ (во многих из них — совместно с русскими, эстонцами или ижорами; некоторые деревни делились на

⁶⁹ Согласно сведениям на 1910 г., в Кронштадте, в частности, проживали 703 финна, в Ямбурге — 530, в Шлиссельбурге — 342, в Царском Селе — 320, в Колпино — 250. Эстонское городское население губернии было сосредоточено в основном в уездных центрах Ямбург, Гдов и Луга (1210, 666 и 364 человека соответственно по данным на 1913 г.) — РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 48. Л. 11 об., 12 об., 14 об., 15 об., 16 об., 21 об., 23 об.

⁷⁰ На преимущественно сельский характер финского населения указывает и этноним, которым русские часто пользовались для обозначения финнов-ингерманландцев — маймисты; это слово произошло от финского «*maamies*» — «земледелец», «крестьянин».

⁷¹ К примеру, из всего немецкого населения губернии в уездах проживало чуть больше 8 тысяч, поляки и евреи жили почти исключительно в городах. Несколько выше процент сельского населения был среди латышей, но их общая численность в Петербургской губернии была тогда невелика.

⁷² Памятная книжка С.-Петербургской губернии. С. 321, 475.

⁷³ Mustonen J., toim. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931. S. 22.

национальные «концы»). Чисто финских деревень, по данным о составе ингерманландских лютеранских приходов, в 1917 г. было 758, финско-русских — 187, финско-ижорских — 44 и финско-эстонско-русских — 29.⁷⁴ Эстонцы встречались во всех уездах, включая самый восточный Новолодожский, но в основном они жили в западной части губернии. Четверть всего эстонского населения губернии приходилась на Ямбургский уезд, значителен был удельный вес эстонцев и в Гдовском уезде.⁷⁵ В отличие от финнов, эстонцы почти не образовывали отдельных массивов населения, проживая на хуторах или в деревнях совместно с представителями других этнических групп, лишь в Западной Ингрии было несколько чисто эстонских деревень. На Карельском перешейке эстонским анклавом была деревня Тозерово. Процент горожан среди эстонцев был выше, чем среди финнов. Ижоры были расселены главным образом на южном побережье Финского залива, на территории Ямбургского и Петергофского уездов. Особенно высокой концентрация ижорского населения была на Сойкинском полуострове.⁷⁶ Кроме того, компактная группа ижор населяла район верховьев реки Оредеж в Лужском уезде. По переписи 1897 г., в Петербургском и Шлиссельбургском уездах ижор (точнее, лиц с родным ижорским языком) не было. Однако согласно сведениям П.И. Кеппена, в 38 селениях этих уездов, в частности, в поселке Лисий Нос, деревнях Рыбацкая, Вартемяки, Лемболово, Васкелово, Вуоле, в Рябовской и Колтушской волостях, проживали, чаще всего совместно с финнами, 1368 ижор. В частности, по данным на 1882 г., к ижоре причисляли себя 108 жителей деревень Лахта, Бобьльская и Конная Лахта (Лахденконтун) Стародеревенской волости Петербургского уезда.⁷⁷

⁷⁴ Metiäinen A., Kurko K. *Op. cit.* S. 92.

⁷⁵ Петербургский губернатор в отчете о состоянии губернии за 1912 г. с тревогой сообщал: «Крупное землевладение в Гдовском уезде вообще падает, земли расплываются и с этим явлением нарастает землевладение мелкое, постепенно захватываемое эстонским населением... Упорные и сплоченные эстонцы захватывают все большее поле расселения и недалеко то время, когда в Гдовском уезде они могут оказаться преобладающими в земстве» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 100. Л. 353–353 об.).

⁷⁶ Сойкинский полуостров (фин. Soikkolaniemi), входивший в конце XIX — начале XX вв. в состав Котельской волости Ямбургского уезда, в 1917 г. был выделен в отдельную волость.

⁷⁷ Михайлов Н.В. Указ. соч. С. 68.

Родственные финнам народы и языковые группы
в Ингерманландии в XX в.

367 ижорских жителей Кеппен насчитал в Царскосельском уезде, в котором перепись 1897 г. также не обнаруживает ижорского населения. По его данным, ижоры жили в ближайших пригородах Петербурга Лигово и Паново.⁷⁸

Водское население губернии было сосредоточено в Котельской волости Ямбургского уезда: в ряде деревень вокруг волостного центра Котлы, а также в низовьях реки Луги.

Основными занятиями ингерманландских крестьян были животноводство и огородничество. Малоземелье, усугублявшееся после крестьянской реформы 1861 г., (средний размер земельных участков составлял 6–11 га, в Северной Ингрии — несколько больше)⁷⁹ заставляло их отказываться от выращивания зерновых в больших масштабах: злаковые культуры, прежде всего рожь, ячмень и овес, высевались только для личного потребления. Для домашнего использования выращивались и технические культуры — лен, конопля. Из товарных видов хозяйства преобладали молочное животноводство, особенно в Северной Ингрии — молоко, сметана и масло были среди ос-

⁷⁸ Кеппен П.И. Указ. соч. С. 413, 414, 420. Сведения Кеппена подтверждает земская статистика второй половины XIX в. (Федоров И.Т. Расселение ижоры в XIX–XX веках // Советская этнография. 1983. № 5. С. 98–99).

⁷⁹ Nevalainen P. Inkeriläiset ja Pietari // Suomi ja Pietari. Porvoo, 1995. S. 25.

новных товаров, которыми финны торговали в Петербурге, выращивание картофеля (которым особенно славились финские селения Колтушской волости), капусты и других овощей. Шли на продажу также и мясо, главным образом телятина и свинина, рыба, птица, мед, фрукты, ягоды, дрова, сено.⁸⁰ Все эти товары продавались на Сенном, Андреевском и других рынках Петербурга. Часть товаров (дрова, рыбу) привозили водой, и торговля шла непосредственно с лодок или плотов на реках и каналах. В обзоре Петербургской губернии за 1912 г. констатируется, что «сбытом молочных продуктов занимаются почти все крестьяне С.-Петербургского уезда, а для крестьян северных волостей (с преобладающим финским населением — В.М.) промысел этот составляет один из главнейших статей дохода».⁸¹ Другим существенным источником заработка для крестьян того же уезда был извозный промысел. В упоминавшемся выше обзоре отмечалось, что извозом и вообще конным заработком занимаются крестьяне почти всех волостей уезда. Извоз был развит и в Царскосельском уезде, в том числе в населенных преимущественно финнами Гатчинской и Староскворицкой волостях.⁸² Достаточно активным было участие ингерманландских крестьян в кооперативном движении. Так, в Царскосельском уезде первое земледельческое товарищество было образовано в 1913 г. в Дудергофской волости, оно объединило жителей восьми финских деревень.⁸³ Ижоры и финны — жители прибрежных районов, прежде всего Сойкинского и Курголовского полуостровов и побережья Ладожского озера, занимались рыболовством. Кроме того, немало финнов работало в городе извозчиками: одни — постоянно, другие приезжали поработать на небольшой срок, в частности, на масленичную неделю, во время которой устраивались традиционные катания по льду Невы. В 1874 г. из примерно 30 тысяч профессиональных извозчиков в Петербурге десятую часть — около 3 тысяч — составляли финны⁸⁴ (русское

⁸⁰ Суни Л.В. Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998.

⁸¹ Обзор С.-Петербургской губернии за 1912 год. СПб., 1913. С. 19.

⁸² Там же. С. 19, 22.

⁸³ Chistyakov A. Traditional everyday culture of the Ingrian-Finns in South Ingria // *Ingrians and Neighbours. Focus on the East Baltic Sea Region*. Helsinki, 1999. P. 136.

⁸⁴ Engman M. Pietari ja Inkeri // *Inkeri: Historia, kansa, kulttuuri*. S. 175.

слово «извозчик» даже вошло в финский язык, приняв форму *vosikka*). Чисто ремесленные занятия были в Ингерманландии развиты слабо, так как благоприятных условий для развития кустарного ремесла здесь не было: изделия местных мастеров не могли составить конкуренцию фабричным товарам, производившимся на предприятиях Петербурга и Нарвы. Местные крестьяне и сами предпочитали приобретать хозяйственный инвентарь и домашнюю утварь промышленного производства.⁸⁵ Тем не менее, некоторые местности губернии специализировались в различных ремеслах: в Дудергофе, в частности, было развито ткачество, в Усть-Ижоре — кузнечное дело, в Пулково — гончарное.⁸⁶ Когда с конца XIX в. жители Петербурга начали обзаводиться дачами в окрестностях города, сдача помещений в наем (в частности, в живописных местностях Парголовской и Осинорошинской волостей), обслуживание дачников, снабжение их продуктами также стали важной статьёй доходов для местных крестьян. В начале XX в. жители Северной Ингрии, владевшие русским языком, стали выполнять посреднические операции по продаже финляндских товаров в Петербурге: крестьяне из Финляндии привозили сюда свои товары и сдавали местным финнам, а те переправляли их на столичные рынки.⁸⁷ Еще одним занятием, характерным именно для финских семей, был прием на воспитание за плату детей из Петербургского воспитательного дома; в Петербургском уезде, в частности, в 1887 г. 629 семей из финских деревень имели на воспитании ребенка.⁸⁸

Поселившиеся в Петербурге выходцы из Великого княжества Финляндского работали сапожниками, портными, столярами, переплетчиками, часовщиками. Хорошо известны в городе были финские швейные мастерские фирм «Суоминен» и «Люютикайнен». Финляндцы составляли большую часть рабочих в крупнейшей петербургской сапожной фирме Вейсса. Особенно много финнов было среди ювелиров: в 1869 г. они составляли 44 % всех

⁸⁵ Шлыгина Н.В. Ингерманландские финны: этнографический очерк. С. 65–66.

⁸⁶ Кашенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 г. в С.-Петербургской губернии. Л., 1990. С. 75.

⁸⁷ Шлыгина Н.В. Ингерманландские финны: этнографический очерк. С. 64–65.

⁸⁸ Amburger E. Ingermanland. Eine junge Provinz Rußlands im Wirkungsbereich der Residenz und Weltstadt St.Petersburg — Leningrad. Köln; Wien, 1980. S. 295.

занятых этим ремеслом, причем каждая пятая ювелирная мастерская принадлежала финляндцам (в основном шведского происхождения). Многие финны служили в знаменитой ювелирной фирме Фаберже.⁸⁹ Специфически финской была профессия трубочиста: финляндские выходцы составляли более половины всех трубочистов столицы.⁹⁰ С середины XIX в. в городе стали появляться финские рабочие, они трудились в основном на Финляндской железной дороге, которая считалась собственностью финляндского правительства (железнодорожная линия Выборг — Петербург была построена в 1870 г.), и предприятиях Выборгской стороны, таких как заводы Нобеля, Лесснера и Парвайнена. Наибольшая концентрация финского населения в Петербурге к концу столетия наблюдалась именно на северной рабочей окраине столицы: в первой Выборгской части, по данным на 1881 г., финны составляли около 10 % жителей.⁹¹ Весьма характерны и названия улиц в районе Финляндского вокзала: Финский, Нейшлотский переулки, Нюстадская улица. К 1910 г. примерно 29 % финского населения Российской столицы проживали на Выборгской стороне, 8 % — в центре города, в районе финской церкви Св. Марии.⁹²

Таким образом, финны были заметным элементом населения Петербурга и Ингерманландии, они принимали активное участие в хозяйственной жизни города и губернии, но в то же время составляли особую общность и не было речи об их ассимиляции.

2. Зарождение ингерманландского движения в конце XIX — начале XX вв.

Из сведений, приведенных в первой части, видно, что в Петербургской (с 1914 г. — Петроградской) губернии не было основы для сколько-нибудь значительного сепаратистского движения, так как прибалтийско-финское население, преобладая среди национальных меньшинств губернии, было, тем не менее, не слишком многочисленным и проживало, за исключением некоторых местностей (часть Карельского перешейка, Сой-

⁸⁹ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 173.

⁹⁰ Такала И.Р. Финны-иммигранты // Финны в России. С. 98.

⁹¹ Engman M. Petersburgska vägar. Lovisa, 1995. S. 172.

⁹² Юхнева Н.В. Финны в столице Российской империи. С. 52.